

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 3. С. 158–179.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2026. Vol. 9, no. 3. P. 158–179.

Научная статья / Original article

УДК 82.091

doi:10.17323/2658-5413-2026-9-3-158-179

ВСТРЕЧНОЕ ТЕЧЕНИЕ. К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА ТОМАСА МАННА В СОВЕТСКОЙ КРИТИКЕ

Алексей Иосифович Жеребин

Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена;

Русская христианская гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия,
zerebin@mail.ru, <https://orcid.org/4000-0002-2216-6461>

Аннотация. В статье исследуется динамика восприятия личности и творчества Томаса Манна в Советском Союзе в ее обусловленности сменой господствующих социокультурных дискурсов — революционного, антифашистского и либерально-демократического, из которых последний начал формироваться в эпоху оттепели. В 1920-е — начале 1930-х годов мировоззрение и творчество Томаса Манна интерпретируются на страницах советской печати как свидетельство кризиса и распада буржуазной культуры. Примеры дают суждения о его романах и новеллах в рецензиях Георга Лукача, во вступительной статье Р. Миллер-Будницкой к изданию собрания сочинений писателя под редакцией В. Зоргенфрея, в отклике И. Марцинского на присуждение Т. Манну Нобелевской премии, в послесловии Н. Н. Вильяма-Вильмонта к русскому переводу «Лотты

в Веймаре», в публицистике М. Шагинян. С середины 1930-х годов Т. Манн, эмигрировавший из гитлеровской Германии, занимает активную антифашистскую позицию, поддерживая программу воинствующего гуманизма. Это меняет взгляд на его творчество в целом, дает основание видеть в нем пример, подтверждающий теоретическую закономерность сближения большого художника-реалиста с социалистической идеологией. Сдвиг восприятия обнаруживает себя в переакцентовке и актуализации журналом «Интернациональная литература» идеологически «сомнительных» высказываний Т. Манна о Ленине и диктатуре пролетариата, в признании прогрессивного значения его творчества и его вклада в строительство новой Германии, содержащемся в статьях К. Федина, Е. Книпович, Т. Мотылевой. В период оттепели и либерализации советской идеологии творчество Т. Манна становится одним из центров дискуссии о границах реалистического метода, способствовавшей ослаблению догматизма марксистской эстетики и освоению новых художественных форм, таких как жанр интеллектуального и неомифологического романа. Издание десяти томного собрания сочинений писателя под редакцией Н. Вильмонта и Б. Сучкова, монография В. Адмони и Т. Сильман, работы Т. Мотылевой, А. Русаковой, В. Днепров, С. Апта, Н. Павловой дали точку опоры для дальнейшего углубленного осмысления его творчества в постсоветский период, на рубеже XX–XXI веков. Образ Т. Манна, сложившийся в процессе перевода текстов писателя на язык советской культуры, не был искажением некоего исходного инвариантного объекта, а представлял собой один из вариантов его международной рецепции, одну из его семантических трансформаций, отразившую особенности и динамику воспринимающего контекста и обладающую не меньшей легитимностью и оригинальностью, чем тот вариант, который сложился в других контекстах восприятия, включая и немецкий.

Ключевые слова: Томас Манн, социальный дискурс, творческая рецепция, язык культуры, контекст восприятия, неомифологизм, интеллектуальный роман, буржуазный реализм, советская идеология

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00319, URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00319/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Ссылка для цитирования: Жеребин А. И. Встречное течение. К вопросу об эволюции образа Томаса Манна в советской критике // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 3. С. 158–179. doi:10.17323/2658-5413-2026-9-3-158-179.

Literature. Philosophy. Religion

COMING TOGETHER.
ON THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF THOMAS MANN
IN SOVIET CRITICISM

Aleksei I. Zherebin

Herzen State Pedagogical University of Russia;
Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg, Russia,
zerebin@mail.ru, <https://orcid.org/4000-0002-2216-6461>

Abstract. The article examines the changing perception of Thomas Mann — both as a figure and as a writer — in the Soviet Union, tracing how this evolution was shaped by shifts in dominant sociocultural discourses: the revolutionary, the anti-fascist, and the liberal-democratic, the latter emerging during the “Thaw.” During the 1920s and early 1930s, Thomas Mann’s worldview and literary work were interpreted in the Soviet press as evidence of the crisis and disintegration of bourgeois culture. Examples of this perspective can be found in reviews by Georg Lukács; in R. Miller-Budnitskaya’s introductory essay to the edition of Mann’s collected works edited by V. Zorgenfrey; in I. Martsinsky’s commentary on Mann’s Nobel Prize award; in N. N. Vilyam-Vilmont’s afterword to the Russian translation of “Lotte in Weimar;” and in the writings of M. Shaginyan. From the mid-1930s, Thomas Mann — having emigrated from Nazi Germany — adopted an active anti-fascist stance, championing a program of “militant humanism.” This shifted the perspective on his work as a whole, providing grounds to view him as an example confirming the theoretical pattern of a major realist artist converging with socialist ideology. This shift in perception manifests itself in the way the journal “International Literature” re-emphasized and highlighted Thomas Mann’s ideologically “questionable” statements regarding Lenin and the dictatorship of the proletariat, as well as in the recognition of the progressive significance of his work and his contribution to the building of a new Germany found in articles by K. Fedin, E. Knipovich, and T. Motyleva. During the period of the Thaw and the liberalization of Soviet ideology, the work of Thomas Mann became a focal point for discussions regarding the boundaries of the realist method — discussions that helped weaken the dogmatism of Marxist aesthetics and fostered the adoption of new artistic forms, such as the intellectual and neo-mythological novel. The publication of the author’s ten-volume collected works (edited by B. Suchkov and N. Vilmont), the monograph by V. Admoni and T. Silman, and the studies by T. Motyleva, A. Rusakova, V. Dneprov, S. Apt, L. Kopelev, and N. Pavlova

provided a foundation for a deeper understanding of his work at the turn of the 20th and 21st centuries. The image of Thomas Mann that emerged as his texts were translated into the language of Soviet culture was not a distortion of some original, invariant object; rather, it represented one variant of his international reception — one of the semantic transformations that reflected the specific characteristics and dynamics of the receiving context. This variant possessed no less legitimacy and originality than the versions that emerged in other contexts of reception, including the German one.

Keywords: Thomas Mann, social discourse, creative reception, language of culture, context of perception, neo-mythologism, intellectual novel, bourgeois realism, Soviet ideology

Acknowledgments. The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 25-28-00319, Available at: <https://rscf.ru/en/project/25-28-00319/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

For citation: Zherebin, A. I. (2026) “Coming Together. On the Evolution of the Image of Thomas Mann in Soviet Criticism”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 9(3), pp. 158–179. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2026-9-3-158-179.

На протяжении полувека (1930–1970-е годы) творчество Томаса Манна (1875–1955) находилось в центре внимания литературной критики всего мира, которая при всем ее разнообразии неизменно искала в текстах писателя следы социальных дискурсов, признаки той или иной идеологической ангажированности, той или иной общественной и эстетической позиции. На чьей стороне, «за кого» и «против кого» был великий писатель в разные периоды своего творчества, в разные периоды бурной истории XX века — на стороне реализма или модернизма, консерватизма или либерализма, демократии либеральной или социалистической? В поисках ответа на эти вопросы критика фиксировала многочисленные противоречия, реконструировала виртуозную игру противоречий, из которых сотканы тексты Т. Манна, и либо «подтягивала» позицию автора к тому или иному господствующему дискурсу, либо вынуждена была констатировать — нередко с известной долей неудовлетворенности — его неспособность, а возможно, и принципиальный отказ формулировать ответ на «последние вопросы».

В русской критике ранний пример такого рода констатации содержит предисловие Юрия Спасского к первому русскому собранию сочинений Т. Манна, выходившему в издательстве «Современные проблемы» с 1910 по 1915 год:

Вместе с большинством представителей немецкой интеллигенции Т. Манн удивительно аполитичен, быть может, даже проникнут презрением к политике. Его бунт против мещанства — в искусстве, в эстетизме. Но и в религии красоты он не находит успокоения. Он ничего не решает, только спрашивает. И лишь в глубине его вопросов слышится намек, что у него вообще нет на них ответа.

[Спасский, 1910, с. VII]

Возможно, Томас Манн знал об издании Спасского, включавшем очерк о нем Эрнста Бертрама, с которым писатель был хорошо знаком. Впрочем, упреки в эстетизме и общественном индифферентизме не были для него новостью. В этом отношении Т. Манн повторял судьбу своего кумира Гёте. Но в «Размышлениях аполитичного» он дает свое толкование эстетизма не на примере Гёте, а на примере Тургенева, одного из русских писателей, о котором он отзывался с неизменной симпатией.

После выхода в свет романа «Отцы и дети», рассказывает Т. Манн, радикально настроенная молодежь обвиняла Тургенева в общественном индифферентизме: «Изящнее прочих выразилась тогда одна дама: “Ни отцы, ни дети — сказала она — вот настоящее заглавие Вашей повести, а Вы сами — нигилист”. “Не берусь возражать, — бормочет Тургенев, — быть может, эта дама и правду сказала”. Нет, она сказала неправду, поскольку не нигилист тот, кто чтит жизнь как Тургенев. Эстет — возможно, эстетом-то он и был» [Манн, 2015, с. 287]. И затем Т. Манн цитирует из письма Тургенева Майкову: «Что ни говори молодежь, а искусство умереть не может — и посильное служение ему будет всегда тесно соединять людей» [Манн, 2015, с. 287].

Понимание искусства как способа «соединять людей» противопоставляет его как дешевой злободневности, так и высокомерному принципу автономии, сближая это раннее высказывание Т. Манна с темой жизнотворчества, которая звучит позднее в его статьях, в романе «Доктор Фаустус», в переписке с Полем Пьером Сагавом: искусству будущего предстоит объединить в себе эстетически-художественные и жизненно бытийные начала, стать ключом к новой форме человеческого общежития, напоминающей русскую утопию соборности. Томас Манн пользуется словом «Gemeinschaft», то есть «содружество», «сообщество», «община». От современного гражданского общества община отличается, по мысли Т. Манна, тем, что здесь все — одна кровь, одна душа и одна семья, скрепленная не формальным законом, а той шиллеровско-бетховенской любовью, которая из области «мечты и песнопенья» перейдет в общественно-политическую действительность.

Упреки в эстетизме сопровождали Т. Манна до последних лет жизни. В 1954 году швейцарский писатель Вальтер Мушг упрекнул Т. Манна в «тотальном безверии», «скептицизме», «блистательном равнодушии к судьбам мира», отсутствии позитивного идеала и неспособности дать «ни капли спасительной истины» [Muschg, 1957, S. 499]. Т. Манн и в этом случае ответил русским примером — этюдом «Слово о Чехове», где образ русского писателя выступает как своего рода автобиографическое иносказание. Размышляя о Чехове, Т. Манн взвешивает, насколько прав Вальтер Мушг в отношении него самого, и прежде всего страницы, посвященные рассказу Чехова «Скучная история», включают в себя самооправдание Т. Манна — экзистенциальное самооправдание художника, утратившего, подобно чеховскому герою, «общую идею». Оправдание состоит в том, что — как это было и в случае с Тургеневым — искусство не обязано быть манифестом; нравственное значение имеет сам труд взыскательного художника, его неустанные поиски неведомой, а лишь предчувствуемой правды, которая не дана сегодня, а задана как цель, процессуальна, то есть существует лишь в процессе бесконечного к ней приближения.

«Общая идея» Т. Манна — идея третьего гуманизма, призванного решить задачу, которую не могла решить ни эпоха Возрождения, ни эпоха Гёте, — предполагала грядущий чувственно-сверхчувственный синтез духовной культуры и социальной практики, духа и плоти. В 1930-е годы эта идея владела умами многих мыслителей (см.: [Жеребин, 2025, с. 201–223]). Своеобразие ее интерпретации Т. Манном заключалось в признании ее принципиальной утопичности, невозможности утверждения ее вне сферы амбивалентной иронии, которая «метит в обе стороны, как в жизнь, так и в дух» [Манн, 2015, с. 526]. «Безмерно любимый образ совершеннейшей человечности» [Манн, 1959–1961, т. 9, с. 606] мыслится им как последняя высота, взять которую не под силу ни Востоку, ни Западу. Но все достоинство человека зависит, по Т. Манну, от его решимости предпринимать безнадежные попытки. В романе «Доктор Фаустус» эти попытки обозначены словом «прорыв». «На свете есть, в сущности, только одна проблема, — говорит своему другу Адриан Леверкюн, — и ты определил ее верно. Как прорваться? Как прорвать оболочку куколки и стать бабочкой?» [Манн, 1959–1961, т. 5, с. 400]. Попытки прорыва и составляют содержание произведений Т. Манна: о них философствуют, над ними иронизируют, их пародируют, объявляют их иллюзией и утопией, ради них страдают и причиняют страдания, в них отчаиваются и снова надеются — и все это превращает его творчество в поэму утверждения и прославления жизни, которая хотя и не примиряет противоречий, но все их объемлет и через них вечно свершается.

Жизнь в изображении Т. Манна освящена и оправдана тоской по абсолютному совершенству, метафизической потребностью. «Бог есть мое желание

познать его», — говорил Толстой М. Горькому [цит. по: Шкловский, 1974, т. 2, с. 712]. Так и Т. Манн верит не в прорыв, а в волю к прорыву, не в спасение, а в неустранимую, заложенную в двойственной человеческой природе тоску по нему. Любить человека в его противоречивости, осознать эту противоречивость в свете неугасимой надежды на грядущий синтез, принять и воплотить в искусстве образ человека, трагически обреченного на борьбу за торжество пусть недостижимого или достижимого лишь отчасти идеала — в этом и заключался для него принцип обновленного, третьего гуманизма XX века, который лег в основу его творчества.

В заключительной части своего эссе 1943 года «Судьба и задача» он писал:

...Я верю, что из страданий и битв нашего трудного переходного времени родится совершенно новый, эмоциональный интерес к человеку и его жребию, к его исключительному положению между царствами природы и духа, к его тайне и его назначению (...). Этот новый гуманизм будет по тону и настроению существенно отличаться от прежних, родственных ему движений. Он пройдет через слишком многое, чтобы удовлетвориться наивным краснбайством и смотреть на человеческую жизнь сквозь розовые очки. Он будет нериторичен и будет знать о трагизме всякого человеческого бытия, но это знание не сломит его воли. Он не станет отрекаться от отпечатка религиозности, ибо в идее человеческого достоинства, ценности каждой души гуманность переходит в религиозность, и такие идеи, как свобода, как истина, принадлежат сверхбиологической сфере, религиозной сфере, сфере абсолюта (...). Защищать разум от крови и инстинкта не значит недооценивать творческие возможности разума. Единственная творческая сила — это управляемое им чувство — действенная любовь.

[Манн, 1986, с. 148]

* * *

Сотериологическая тоска Т. Манна, обнажающая противоречия действительности в перспективе идеальной гармонии, требующая реализации в опытах творческого преображения мира, имела русское происхождение. Она и обусловила в конечном счете то взаимное встречное движение Т. Манна и русской культуры, которое отразилось не только в творчестве немецкого писателя, но и в истории его рецепции в советской культуре.

Центральным событием, отразившим и завершившим первый период формирования советского образа Т. Манна явилось издание шеститомного собрания его сочинений под общей редакцией В. А. Зоргенфрея (1934–1938).

Введением к нему служила статья Р. Миллер-Будницкой «Смерть культуры», представлявшая собой вариант ее работы под названием «Гибель цивилизации. Философия культуры Томаса Манна», опубликованной в том же 1935 году в журнале «Литературный критик» [Миллер-Будницкая, 1935a]. Согласно Миллер-Будницкой, большие романы Томаса Манна «Будденброки», «Волшебная гора» и тогда еще не оконченный «Иосиф и его братья» представляют собой талантливый и глубокий художественный анализ современной западной культуры, свидетельствующий об «отчаянии и безысходности, возникших на почве кризиса и загнивания буржуазной мысли эпохи империализма» [Миллер-Будницкая, 1935a, с. 148]¹. Такая оценка мировоззрения Т. Манна восходила к Дьердю (Георгу) Лукачу, главному редактору «Литературного критика» и одному из основоположников марксистского литературоведения в СССР, который также посвятил Т. Манну несколько статей, вышедших и на русском языке. Так, в своем анализе романа «Будденброки» Лукач называл его «элегическим эпосом буржуазного заката и декаданса», противопоставляя ему в качестве образца социалистического реализма роман Горького «Дело Артамоновых» [Лукач, 1936].

Можно констатировать, что в 1930-е годы идеологизированные оценки произведений Т. Манна колеблются между их резким отрицанием как идейно чуждого явления и признанием их высоких художественных достоинств, ослабленных, однако, ограниченностью исторической перспективы буржуазного писателя-реалиста. Таково было общее мнение. В статье под ироническим названием «Хвала лауреату» его со всей прямоотой высказал довольно известный литературный критик тех лет Иосиф Марцинский:

Нобелевская премия по литературе — высшая для буржуазного писателя награда. Буржуазия увенчивает столь высокими почестями лишь ортодоксальнейших своих выразителей. Но может быть уже давно премия Нобеля не предназначалась столь ортодоксальному буржуазному художнику, являющемуся в полном смысле этого слова стопроцентным, беспримесным, не имеющим никакого изъяна поэтом буржуазии. Премии Нобеля давно следовало присудить автору «Будденброков» и «Очарованной горы». Еще раньше ее следовало присудить Марселю Прусту, ибо в этих двух крупнейших писателях современной буржуазии полнее и глубже всего выражена сущность класса на данном этапе его исторического развития. На этих высотах очень ясно обозначается историческая необходимость гибели класса. Искусство Т. Манна есть свидетельство

¹ Ср.: [Миллер-Будницкая, 1935b].

старчества современной буржуазии. В изысканном, блестящем лауреате класс чтит свою неотвратимую и близкую гибель.

[Марцинский, 1930, с. 52]

Никто из советских критиков не отвергал буржуазные взгляды Т. Манна так резко и непримиримо, как Мариэтта Шагинян в своей рецензии на вышедшую в 1932 году в Германии полную версию книги «Гёте и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма» [Шагинян, 1932]. Проходя мимо главной темы Т. Манна — темы взаимного тяготения природы и духа, — автор рецензии фиксирует все внимание на действительно присутствующем у Т. Манна мотиве тождества толстовского анархизма с русским большевизмом, а большевистской революции — с народным бунтом, торжеством русской мечты о возврате в допетровскую Русь, с азиатской стихией варварства, грозящей затопить все пространство европейской культуры. И Шагинян выносит приговор: Томас Манн верно исполняет социальный заказ испуганной буржуазной Европы; его мысль, отравленная национализмом и расизмом, обнаруживает тенденцию к «фашизации большевизма» и играет на руку немецкому фашизму [Шагинян, 1932, с. 84].

Когда через тридцать лет Шагинян снова возвращается к творчеству Т. Манна в очерке «Судьба творца» — на этот раз к его роману «Доктор Фаустус», — интонация ее суждений заметно смягчается. Теперь Т. Манн получает роль не пособника классового врага, а объективного свидетеля его злой власти. Раскрывая тему трагической судьбы художника в капиталистическом мире, автор очерка не замечает, что мотивы жертвы, нисхождения в ад и соприкосновения Адриана Леверкюна с мировым злом знаменуют у Т. Манна не бессилие и поражение буржуазного художника, а имеют значение переходной, хотя и не завершенной фазы на пути к тому обществу творцов новой реальности, которое Шагинян отождествляет с коммунизмом [Шагинян, 1964].

Поздним рецидивом идеологической установки, характеризующей первый период рецепции творчества Т. Манна, представляется нам и послесловие Н. Вильмонта к публикации романа «Лотта в Веймаре» на страницах журнала «Интернациональная литература» за 1941 год. В нем также слышатся отзвуки классового подхода. Восхищаясь мастерством и глубиной мысли Т. Манна, Вильмонт заканчивает, однако, свое послесловие упреком в адрес автора. Гуманистический идеал, олицетворением которого является в романе образ Гёте, идеал мира, преображенного искусством и воплотившего в себе эстетическую гармонию, представляется Вильмонту прекраснотушной утопией, подменяющей собой реалистический анализ социальной действительности. Ошибка

Т. Манна — это типичная ошибка буржуазного художника, который не верит в народ, в его волю к революционному преобразованию общества и в его способность завоевать будущее в общественно-политической борьбе [Вильям-Вильмонт, 1941, с. 168].

Между тем впоследствии именно роман «Лотта в Веймаре», обещанный Т. Манном советскому журналу задолго до того, как книга была закончена, способствовал признанию писателя одним из провозвестников новой демократической Германии. В 1947 году Т. Манн с гордостью вспоминает о том, что вскоре после разгрома фашизма советская военная администрация организовала в Веймаре цикл лекций о его книге, которую уже антигитлеровская оппозиция не без оснований рассматривала как манифестацию гуманистических ценностей и инструмент перевоспитания немцев [Манн, 1959–1961, т. 9, с. 335–336]. Но Вильмонт писал свою статью до начала войны, и критика абстрактного гуманизма как свидетельства буржуазной ограниченности писателя звучит в ней острее, чем в более поздней версии той же статьи 1959 года [Вильмонт, 1966, с. 401–420].

* * *

Уже с середины тридцатых годов в восприятии творчества Т. Манна происходит очевидный сдвиг: образ поэта умирающей буржуазии все больше вытесняется образом прогрессивного писателя-антифашиста.

Один из примеров дает русский перевод высказывания Т. Манна о Ленине, опубликованный в 1939 году в московском журнале «Интернациональная литература» под пышным и отсутствующим в оригинале названием «Сказочный витязь героической саги»:

Несомненно, что Ленин — величина всемирно-исторического значения. Властитель дум нового, демократического, гигантского стиля. Заряженное силой соединение воли и аскезы, великий глашатай идеи, полный миро-сокрушающего божественного гнева. Сказочный витязь героической саги, сказавший: «Да будет проклят тот, кто опускает свой меч, боясь крови!»

[Манн, 1939]

Перевод, неточный и слабый, заметно уступает немецкому оригиналу — фрагменту «О Ленине», который был написан Т. Манном в 1924 году и вошел в книгу откликов иностранных мастеров культуры на смерть вождя русской революции (*Die Gegenwart über Lenin*, 1924). Отсутствует едва ли не главное — два финальных предложения, отсылающих к образу Папы Римского

Григория VII (Гильдебранта): «О нем [Ленине] будут помнить так же, как о том папе Григории, о котором в героической поэме сказано: “Жизнь и учение его ни в чем не расходились”. А сам он о сказал: “Да будет проклят убоявшийся обогреть кровью свой меч”» [Манн, 2002].

Фигура Григория VII связывает фрагмент Т. Манна о Ленине с его вышедшим в том же 1924 году романом «Волшебная гора», где иезуит Лео Нафта, цитируя ветхозаветное кредо беспощадного папы (Иер. 48:19), пытается доказать, что русский пролетариат перенимает «карающую нетерпимость» средневековых Отцов Церкви — их веру в *jus gladii*² и учение о том, что царствие Божие наступит лишь тогда, когда дуализм добра и зла, духа и власти будет на время снят во имя торжества Святого града и «бесклассового братства истых сынов божиих» [Манн, 1959–1961, т. 4, с. 87–88].

Раздел главы шестой романа, развивающий это сравнение, носит название «О граде божьем и лукавом избавлении». Не исключено, что общим источником этой главы и фрагмента о Ленине служили произведения Достоевского. По наблюдениям А. А. Юдахина, в его публицистике папа Григорий персонифицировал римскую идею мировладычества, а в романе «Братья Карамазовы» служил, дополняя влияние Шиллера, прототипом образа «великого инквизитора» [Юдахин, 2025].

Но не об этих претекстах думали в редколлегии журнала «Интернациональная литература» в 1939 году. Можно предположить, что текст, написанный Т. Манном более десяти лет назад, потому и привлёк к себе внимание журнала, что допускал новое, актуальное его прочтение — не на фоне Октябрьской революции и диктатуры пролетариата, а в контексте антифашистской борьбы, как высказывание, подтверждающее традицию воинствующего гуманизма, к которой примкнул в 1930-е годы и сам Т. Манн. В его публицистике конца 1930-х годов не раз звучит обращенная к интеллигенции мысль о необходимости отречься от высокомерного скептицизма и мягкотелой толерантности, чтобы, упростив свое мировоззрение до веры в непримиримое противоречие истины и лжи, добра и зла, возвыситься до карающей нетерпимости средневекового монаха, бесстрашно идущего «с распятием и мечом навстречу сатане» [Манн, 1959–1961, т. 10, с. 296].

Участие Т. Манна в организации сопротивления фашизму, его бескомпромиссная антифашистская позиция, признание ведущей роли Советского Союза в героической борьбе с фашизмом, резкая критика холодной войны и американской политики в эпоху маккартизма, протест против возрождения

² право меча (лат.).

милитаризма в послевоенной Западной Германии, обвинение предвоенных западных демократий в попустительстве Гитлеру из страха перед большевизмом и знаменитый афоризм «Антибольшевизм есть главная глупость нашей эпохи», его призывы к «гуманистическому коммунизму» и выступление на юбилейных торжествах 1949 года по случаю 200-летия со дня рождения Гёте в Веймаре, воспринятое современниками как признание Германской Демократической Республики законной наследницей гуманистической традиции — все эти факты, получившие сочувственное освещение на страницах советской печати, давали основание для того, чтобы видеть в Томасе Манне друга и союзника СССР.

По мысли Константина Федина, идейная эволюция великого писателя-реалиста заключалась в переходе от элегического изображения кризиса буржуазного строя к его разоблачению и протесту против него как питательной почвы фашистского варварства, к вере в способность искусства «подготовить мир к жизни лучшей, более красивой и соответствующей разуму» [Федин, 1955, с. 169]. «В прошлом — критик распада, Томас Манн стал глашатаем лучшего будущего», — подтверждает точку зрения Федина и Лион Фейхтвангер в очерке «Слово о Томасе Манне», написанном для московского журнала «Новое время» [Фейхтвангер, 1956, с. 22]. В обоих случаях мы видим свидетельство того, как трансформация доминирующего дискурса приводит к обновлению образа Т. Манна. Теперь он уже не чуждый социализму пессимист, отразивший в своих произведениях процесс деградации буржуазного общества, а передовой художник и общественный деятель, выступающий на стороне сил мира и социального прогресса. Его любовь к русской литературе и эстетический миф «третьего гуманизма», зародившийся в сознании писателя под влиянием этой любви, воспринимаются в качестве залога его приверженности русской идее творческого преображения действительности, преемницей которой мыслится советская культура. Впоследствии тема взаимного сближения Т. Манна и советской культуры получила детальную разработку в книге Т. И. Мотылевой «Томас Манн и русская литература» [Мотылева, 1975], сохраняющей актуальность исторического свидетельства и сегодня, в частности на фоне недавнего опыта критической переоценки отношения Т. Манна к Советскому Союзу в работе немецкого исследователя А. Баскакова [Баскаков, 2021].

* * *

В условиях оттепели и либерализации советской идеологии образ Т. Манна, закрепленный и легитимизированный в десятилетнем собрании его сочинений 1959–1961 годов под редакцией Н. Н. Вильмонта и Б. М. Сучкова, а также

в вышедшей в 1960 году первой обобщающей творческий путь писателя монографии В. Г. Адмони и Т. И. Сильман [Адмони, Сильман, 1960], усложняется и дифференцируется в ходе научной полемики, которая все смелее проникает на страницы советских изданий, прежде всего журналов «Новый мир», «Иностранная литература», «Вопросы литературы». Влияние антифашистского дискурса переплетается с элементами дискурса идейно-эстетического, в рамках которого на первый план выступает проблема реализма и расширения границ реалистического метода.

Так, Борис Сучков, вступая в спор с французским неомарксистом Роже Гароди, обосновывает реалистический характер использования мифологического материала в библейском романе Т. Манна «Иосиф и его братья» как романе антифашистском, где иррационалистической концепции мифа, которую культивировали идеологи фашизма, была противопоставлена гуманистическая аллегория нравственного и социального прогресса — история одухотворения человеческой природы [Сучков, 1968a]³. В 1970-е годы положения статьи Б. Сучкова получили развитие в работах ряда других исследователей, в особенности Е. М. Мелетинского, который, сравнивая мифологизм Томаса Манна с мифологизмом Джойса, писал: «Представлению Джойса о бессмысленности истории противостоит манновская концепция ее глубокого смысла, раскрывающегося по мере развития культуры» [Мелетинский, 1995, с. 333–334].

Мифотворчество Т. Манна явилось и предметом дискуссии, развернувшейся после публикации в 1965 году в восточногерманском журнале «Зинн унд форм» эссе Станислава Лема «О моделировании действительности в творчестве Томаса Манна», которое пятью годами позже вышло и в русском переводе [Лем, 1970]. По мысли Лема, роман «Доктор Фаустус», при всем его художественном совершенстве, был этической и эстетической ошибкой: корреляция между трагической виной гениального композитора Адриана Леверкюна, продавшего душу дьяволу, и трагедией Германии, соблазненной фашизмом и принесшей неисчислимые страдания всему миру, представлялась Лему неправомерной мифологизацией истории, попыткой Т. Манна подчинить хаос реальной действительности «детерминистской схеме», иллюзорному порядку фаустовского мифа и тем самым, пусть невольно, с одной стороны, возвысить, облагородить фашизм, подменив его высоким демонизмом, а с другой — дискредитировать модернистское искусство, представив его разрыв с иллюзией гуманистического мифа как путь к фашистскому варварству. Лучшие знатоки творчества Т. Манна в Советском Союзе Лема не поддерживали. Возражая

³ Ср.: [Сучков, 1968b].

польскому писателю, они доказывали, что мифологизм в «Докторе Фаустусе» следует рассматривать как форму реалистической типизации художественного образа, отнюдь не противоречащую ни его бытовой и социальной конкретности, ни историзму мышления писателя-антифашиста, верно понимавшего объективное движение истории [Апт, 1969; Адмони, 1971; Русакова, 1969, с. 141–142; Книпович, 1973].

Среди откликов на эссе Лема статья В. Адмони служила вместе с тем и несколько запоздалым ответом на критику его собственной, написанной в соавторстве с Т. Сильман монографии 1960 года со стороны Н. Вильмонта, упрекавшего авторов в искажении замысла Т. Манна, согласно которому герой «Доктора Фаустуса» не только жертва немецкой реакции, как пытались доказать Адмони и Сильман, но и «соучастник исторической вины своего народа» [Вильмонт, 1966, с. 516–520].

Спор о вине и жертве в «Докторе Фаустусе» представляет интерес как пример своего рода кружения вокруг невысказанной, но намеченной в ходе этого спора русской темы романа, которую задолго до него Н. Я. Берковский назвал «героическим отношением к злу»:

На Западе было отмечено некоторыми писателями особое русское героическое — отношение к злу современной жизни, готовность испытать его на себе, отнестись к нему без предрассудков, двинуться навстречу злу, исследовать его, не жалея себя (...). В «злых» героях Достоевского — в Раскольникове, в Иване — есть самоотверженность испытателей.

[Берковский, 1975, с. 124–125]

У Т. Манна эта тема — ницшеанская по своему происхождению тема экспериментального человека модерна — громче всего звучит не в упоминаемой Берковским «Волшебной горе» [Берковский, 1975, с. 124–125], а именно в «Докторе Фаустусе». В истории становления Адриана Leverkюна творчество под знаком ада представляет собой не цель, а средство, лиминальную фазу инобытия на пути к подлинному искусству будущего.

Как показала М. Н. Виролайнен, архетипическая формула «утраты как обретения», восходящая к обряду инициации и евангельскому учению о последних, которые станут первыми, играла значительную роль в русской литературе и общественной жизни XIX века [Виролайнен, 2003, с. 455]. В XX веке варианты этой формулы встречаются многократно: у Вяч. Иванова, который связывал русскую идею с мистической тайной нисхождения и называл русский народ народом «самосжигателей» [Иванов, 1994, с. 370]; у Блока, когда он

писал о неизбежной и спасительной встрече современного художника с адом и цитировал: «Как Данте, подземное пламя должно тебе щеки обжечь» [Блок, 1921, с. 22, 25]; у Мандельштама, заметившего о декадентах: «Распад, тление, гниение — все это еще *decadence*. Но декаденты были христианские художники, своего рода последние христианские мученики. Музыка тления была для них музыкой воскресения. *Charogne* Бодлера — высокий пример христианского отчаяния» [Мандельштам, 1983, с. 52].

В романе «Доктор Фаустус» «Цветы зла» Бодлера прямо упоминаются Адрианом Леверкюном как пример последнего отчаяния, из глубины которого только и может родиться новое искусство и новый мир: «Адам должен вторично вкусить от древа познания, чтобы вновь обрести невинность», «добро следует назвать цветком зла, *une fleur du mal*» [Манн, 1959–1961, т. 5, с. 355].

Вся история Адриана Леверкюна развивается в этом направлении — от предания себя злу к торжеству добра. В утопической перспективе тотального синтеза фашизм метафоризируется в образе мирового зла, а союз героя с демоническими силами ада предстает как отрицательная фаза апокалиптической диалектики изгойства-избранничества и искупительная жертва во имя спасения Германии и человечества.

Мужественная готовность к саморазрушительному погружению в стихию зла как к неизбежному условию обновления и творчества новой жизни — эта мысль связывает Т. Манна с восприятием его творчества в России, обеспечивая то узнавание в произведениях немецкого классика своей русской правды, которое подспудно способствовало их вхождению в сферу интереса читателей и внимания критики.

Мотивы утраты как обретения, безоглядной саморастраты как житнетворческого подвига занимают заметное место и в других центральных произведениях Т. Манна. В «Иосифе и его братьях» история духовных поисков и воспитания героя развивается по логике древнего обряда инициации и предполагает сошествие в ад, спуск в преисподнюю своего и одновременно коллективного сознания. В романе «Лотта в Веймаре» Гёте осмысляет свою творческую жизнь по модели собственного стихотворения «Блаженное томление», воспевающего тоску бабочки-Психеи по огненной смерти и заканчивающегося призывом «Умри и стань другим!». Как объяснял Вяч. Иванов, «смерть — это брак человека с богом» и «пока в тебе нет этого призыва “*stirb und werde*”, ты лишь унылый гость на темной земле» [Иванов, 1994, с. 256]. Так же и в рассказе «Смерть в Венеции» погружение героя в стихию запретной и разрушительной страсти является искупительной платой за возрождение его как художника — автора полутора гениальных страниц, которые он пишет, глядя на удаляющуюся

от берега фигуру Тадзио. Мальчик заходит все дальше в море, и Ашенбах узнает в нем образ Гермеса Психопомпоса, символ светлого волшебства искусства, осуществляющего, как писал Т. Манн позднее, «окрыленное, гермесовское, лунное посредничество между духом и жизнью» [Манн, 2009, с. 294]. В целом ряде произведений Т. Манна диалектика вины и жертвы, утраты как обретения — это закон судьбы человека-художника. Его поражение становится его победой, его смерть не отменяет задачу преображения реальности, а переносит ее решение в пространство вечного мифа. «Автор верит в миф, отрицая историю. Верит он, может быть, только в Атлантиду. Там все концы уходят в воду», — писал о Т. Манне В. Шкловский [Шкловский, 1974, т. 3, с. 747].

Не менее выразительным примером полемики 1960–1970-х годов служит и дискуссия вокруг понятия «интеллектуальный роман», выдвинутого Владимиром Днепровым применительно к романам Т. Манна «Волшебная гора» и «Доктор Фаустус» [Днепров, 1960]. С точки зрения Днепров, Т. Манн создал новую, актуальную форму реализма XX века, в которой чувственно-конкретные образы действительности объединяются с отвлеченными понятиями, одеваются лесами теоретической рефлексии, авторской или представленной героями, не отменяя, а лишь усиливая достоверность и правдивость изображения. С критикой положений этой статьи выступил в «Новом мире» известный литературный критик тех лет В. Р. Щербина. В статье «Интеллектуальность или отвлеченность» он доказывал, что эстетическая ценность и идейная глубина художественного произведения определяются не наличием или отсутствием в нем авторской рефлексии или эксплицитных споров между героями-идеологами, а зрелостью мировоззрения художника и его способностью верно отразить в характерах и сюжетных коллизиях обуславливающий их конфликт реальных общественно-политических сил своей эпохи. Что же касается обильного введения в художественную ткань теоретических суждений, то оно не укрепляет, а скорее ослабляет силу воздействия чувственно-конкретных образов действительности [Щербина, 1961].

Очевидно, что суть этих возражений заключалась в защите реалистического метода на фоне дискуссии 1960-х годов о реализме и модернизме и той тенденции к размыванию разделяющей их границы, которая все отчетливее проявлялась в работах западных «ревизионистов» марксистской догмы с их лозунгом «реализма без берегов». Аналогичный конфликт угадывается и в возражениях Л. Копелева Н. Вильмонт в связи с тезисом последнего о сатирическом характере критики буржуазного общества и модернистского искусства в неоконченном романе Т. Манна «Признания авантюриста Феликса Круля» [Копелев, 1960, с. 239–258]. Не соглашаясь с Вильмонтом, Копелев подчеркивает

присущий повествованию Т. Манна принцип иронической дистанции, не допускающий прямолинейного осуждения [Копелев, 1960, с. 249–250].

* * *

В спорах, определивших характер освоения творчества Т. Манна в критике 1960–1970-х годов, была заложена основа для включения в орбиту отечественной рецептивной традиции таких понятий, как «роман-миф» и «интеллектуальный роман», которые в дальнейшем получили развитие в работах более зрелых, и может быть, более сегодня востребованных — Е. М. Мелетинского, С. С. Аверинцева, А. В. Михайлова, Н. С. Павловой. Именно они, но не только они, сформировали, наряду с более доступными в наши дни иностранными источниками, представление о Т. Манне, отразившееся в научной литературе последнего десятилетия.

История восприятия Т. Манна в СССР подтверждает общую закономерность. Как правило, инокультурная рецепция личности и творчества писателя представляет собой функцию социального дискурса, господствующего в воспринимающей культуре, и когда дискурс обновляется, в развитии рецептивной традиции происходит сдвиг акцента, образ писателя подвергается переоценке. Так, Т. Манн-декадент уступает место Т. Манну — союзнику по антифашистской борьбе, сочувствующему идее социализма, Т. Манн — завершитель классического реализма — Т. Манну как основоположнику литературы XX века.

Список источников

Адмони В. Г. Миф о творчестве Томаса Манна // Новый мир. 1971. № 4. С. 225–233.

Адмони В. Г., Сильман Т. И. Томас Манн. Очерк творчества. Л.: Советский писатель, 1960. 349 с.

Ант С. Читая письма Томаса Манна // Иностранная литература. 1969. № 9. С. 210–221.

Баскаков А. «Я не попутчик...». Томас Манн и Советский Союз. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 208 с.

Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. 184 с.

Блок А. О современном состоянии русского символизма. СПб.: Алконост, 1921. 28 с.

Вильмонт Н. Великие спутники. Литературные этюды. М.: Художественная литература, 1966. 588 с.

Вильям-Вильмонт Н. Гёте в новом романе Томаса Манна // Интернациональная литература. 1941. № 6. С. 158–170.

Виролайнен М. Н. Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 502 с.

Днепров В. Интеллектуальный роман Томаса Манна // *Вопр. литературы*. 1960. № 2. С. 143–166.

Жеребин А. И. Антифашистская идеологема «воинствующий гуманизм» и ее концептуализация в творчестве Томаса Манна // *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2025. № 3 (63). С. 201–223.

Иванов В. Родное и Вселенское / сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачева. М.: Республика, 1994. 427 с.

Книпович Е. Ф. Томас Манн о фашизме // *Книпович Е. Ф.* Ответственность за будущее. М.: Советский писатель, 1973. С. 422–431.

Копелев Л. Сердце всегда слева. Статьи и заметки о современной зарубежной литературе. М.: Советский писатель, 1960. 520 с.

Лем С. Мифотворчество Томаса Манна // *Новый мир*. 1970. № 12. С. 234–256.

Лукач Г. «Будденброки» // *Литературное обозрение*. 1936. № 18. С. 23–26.

Мандельштам О. Слово и культура // *Мандельштам О.* Проза. Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishers, 1983. С. 49–72.

Манн Т. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе. М.: Культурная революция, 2009. 368 с.

Манн Т. Письма / изд. подготовил С. К. Апт. М.: Наука, 1975. 463 с.

Манн Т. Размышления аполитичного. М.: Аст, 2015. 544 с.

Манн Т. Сказочный витязь героической саги. Томас Манн о Ленине // *Интернациональная литература*. 1939. № 1. С. 10.

Манн Т. Собрание сочинений в 10 т. / под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова. М.: Художественная литература, 1959–1961. 10 т.

Манн Т. Художник и общество. Статьи и письма / пер. с нем. и сост. С. Апта. М.: Радуга, 1986. 440 с.

Марцинский И. Хвала лауреату // *Печать и революция*. 1930. № 1. С. 50–56.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 1995. 406 с.

Миллер-Будницкая Р. Гибель цивилизации. Философия культуры Томаса Манна // *Литературный критик*. 1935а. № 6. С. 130–148.

Миллер-Будницкая Р. Смерть культуры // *Манн Т.* Собрание сочинений: в 6 т. / под общ. ред. В. А. Зоргенфрея. Л.: Гослитиздат, 1935b. Т. 1. С. V–XXXI.

Мотылева Т. И. Томас Манн и русская литература (К 100-летию со дня рождения). М.: Знание, 1975. 64 с.

Русакова А. В. Томас Манн в поисках нового гуманизма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 159 с.

- Спасский Ю. Предисловие // Манн Т. Полное собрание сочинений: в 5 т. М.: Современные проблемы, 1910. Т. 1. С. V–VII.
- Сучков Б. Роман и миф // Иностранная литература. 1968а. № 4. С. 229–244.
- Сучков Б. Роман-миф // Манн Т. Иосиф и его братья. М.: Художественная литература, 1968b. Т. 1. С. 3–32.
- Федин К. Томас Манн. К 80-летию со дня рождения // Иностранная литература. 1955. № 1. С. 165–169.
- Фейхтвангер Л. Слово о Томасе Манне // Новое время. 1956. № 5. С. 20–22.
- Шагинян М. Зарубежные письма. М.: Советский писатель, 1964. С. 436–439.
- Шагинян М. Томас Манн. Гёте и Толстой. Берлин, 1932 // Иностранная книга. 1932. Кн. 5. С. 83–84.
- Шкловский В. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1974. 3 т.
- Щербина В. Интеллектуальность или отвлеченность // Новый мир. 1961. № 11. С. 217–233.
- Юдахин А. А. Папа Григорий VII в фокусе внимания Достоевского (К вопросу о персонификации римской идеи) // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 264–281.
- Mann Th. Über Lenin. In: Mann Th. Essays in 6 Bänden / hrsg. H. Kurzke u. St. Stachorsky. Frankfurt a. M.: S. Fischer, 2002. Bd. 2. S. 372–373.
- Muschg W. Tragische Literaturgeschichte. Bern: Francke, 1957. 743 s.

References

- Admoni, V. G. (1971) “Mif o tvorchestve Tomasa Manna” [“The Myth of Thomas Mann’s Creative Work”], *Novyi mir* [New World], 4, pp. 225–233.
- Admoni, V. G. and Sil’man, T. I. (1960) *Tomas Mann. Ocherk tvorchestva* [Thomas Mann. Essay on Creative Work]. Leningrad: Sovetskii pisatel’.
- Apt, S. (1969) “Chitaya pis’ma Tomasa Manna” [“Reading Thomas Mann’s Letters”], *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 9, pp. 210–221.
- Baskakov, A. N. (2021) “Ya ne poputchik...”. *Tomas Mann i Sovetskii soyuz* [“I am not a Fellow Traveller...”. Thomas Mann and the Soviet Union]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Berkovskii, N. Ya. (1975) *O mirovom znachenii russkoi literatury* [On the World Significance of Russian Literature]. Leningrad: Nauka.
- Blok, A. (1921) *O sovremennom sostoyanii russkogo simvolizma* [On the Contemporary State of Russian Symbolism]. St. Petersburg: Alkonost.
- Dneprov, V. (1960) “Intellectual’nyi roman Tomasa Manna” [“Thomas Mann’s Intellectual Novel”], *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 2, pp. 143–166.

Fedin, K. (1955) "Tomas Mann. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya" ["Thomas Mann. On the 80th Anniversary of His Birth"], *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1, pp. 165–169.

Feikhtvanger, L. (1956) "Slovo o Tomase Manne" ["A Word About Thomas Mann"], *Novoe vremya* [New Times], 5, pp. 20–22.

Ivanov, V. (1994) *Rodnoe i Vselenskoe* [Native and Universal]. Comp., introduction and notes by V. M. Tolmachev. Moscow: Respublika.

Knipovich, E. F. (1973) "Tomas Mann o fashizme" ["Thomas Mann on Fascism"], in Knipovich, E. F. *Otvetstvennost' za budushchee* [Responsibility for the Future]. Moscow: Sovetskii pisatel', pp. 422–431.

Kopelev, L. (1960) "Serdtshe vseгда sleva. Stat'i i zametki o sovremennoi zarubezhnoi literature" ["The Heart is Always on the Left. Articles and Notes on Contemporary Foreign Literature"]. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Lem, S. (1970) "Mifotvorchestvo Tomasa Manna" ["Thomas Mann's Myth-Making"], *Novyi mir* [New World], 12, pp. 234–256.

Lukach, G. (1936) "Buddenbroki" ["Buddenbrooks"], *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review], 18, pp. 23–26.

Mandel'shtam, O. (1983) "Slovo i kul'tura" ["Word and Culture"], in Mandel'shtam, O. *Proza* [Prose]. Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishers, pp. 49–72.

Mann, T. (1939) "Skazochnyi vitryaz' geroicheskoi sagi. Tomas Mann o Lenine" ["Fairytale Knight of the Heroic Saga. Thomas Mann on Lenin"], *Internatsional'naya literatura* [International Literature], 1, p. 10.

Mann, T. (1959–1961) *Sobranie sochinenii v 10 tomakh* [Collected Works in 10 vols]. Ed. by N. N. Vil'mont and B. L. Suchkov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Mann, T. (1975) *Pis'ma* [Letters]. Ed. prepared by S. K. Apt. Moscow: Nauka.

Mann, T. (1986) *Khudozhnik i obshchestvo. Stat'i i pis'ma* [Artist and Society. Articles and Letters]. Transl. from German and comp. by S. Apt. Moscow: Raduga.

Mann, Th. (2002) "Über Lenin" ["On Lenin"], in Mann, Th. *Essays in 6 Bänden Bd. 2*. Ed. by H. Kurzke and St. Stachorsky. Frankfurt a. M.: S. Fischer, pp. 372–373.

Mann, T. (2009) *Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statei i esse* [Aristocracy of the Spirit. Collection of Essays, Articles and Essays]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

Mann, T. (2015) *Razmyshleniya apolitichnogo* [Reflections of an Apolitical Man]. Moscow: Ast.

Martsinskii, I. (1930) "Khvala laureatu" ["Praise to the Laureate"], *Pechat' i revolyutsiya* [Press and Revolution], 1, pp. 50–56.

Meletinskii, E. M. (1995) *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.

Miller-Budnitskaya, R. (1935a) “Gibel’ tsivilizatsii. Filosofiya kul’tury Tomasa Manna” [“The Death of Civilization. Thomas Mann’s Philosophy of Culture”], *Literaturnyi kritik* [Literary Critic], 6, pp. 130–148.

Miller-Budnitskaya, R. (1935b) “Smert’ kul’tury” [“The Death of Culture”], in Mann, T. *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. Tom 1* [Collected Works: in 6 vols. Vol. 1]. Ed. by V. A. Zorgenfrei. Leningrad: Goslitizdat, pp. I–XXXI.

Motylyova, T. I. (1975) *Tomas Mann i russkaya literatura (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Thomas Mann and Russian Literature (On the 100th Anniversary of His Birth)]. Moscow: Znanie.

Muschg, W. (1957) *Tragische Literaturgeschichte* [Tragic Literary History]. Bern: Francke.

Rusakova, A. V. (1969) *Tomas Mann v poiskakh novogo gumanizma* [Thomas Mann in Search of a New Humanism]. Leningrad: Izdatel’sтво Leningradskogo univesiteta.

Shaginyan, M. (1932) “Thomas Mann. Goethe und Tolstoi’. Berlin 1932”, *Inostrannaya kniga* [Foreign Book], 5, pp. 83–84.

Shaginyan, M. (1964) “Zarubezhnye pis’ma” [“Foreign Letters”], in *Zarubezhnye pis’ma* [Foreign Letters]. Moscow: Sovetskii pisatel’, pp. 436–439.

Shcherbina, V. (1961) “Intellektual’nost’ ili otvlechenost’” [“Intellectuality or Abstractness”], *Novyi mir* [New World], 11, pp. 217–233.

Shklovskii, V. (1974) *Sobraniye sochinenii: v 3 tomakh* [Collected Works: in 3 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Spasskii, Yu. (1910) “Predislovie” [“Preface”], in Mann, T. *Polnoe sobranie sochinenii: v 5 tomakh. Tom 1* [Complete Works: in 5 vols. Vol. 1]. Moscow: Sovremennye problemy, pp. V–VII.

Suchkov, B. (1968a) “Roman i mif” [“Novel and Myth”], *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 4, pp. 229–244.

Suchkov, B. (1968b) “Roman-mif” [“Novel-Myth”], in Mann, T. *Iosif i ego brat’ya. Tom 1* [Joseph and His Brothers. Tom 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 3–32.

Vil’mont, N. (1966) *Velikie sputniki. Literaturnye etyudy* [Great Companions. Literary Studies]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Vil’yam-Vil’mont, N. (1941) “Gete v novom romane Tomasa Manna” [“Goethe in Thomas Mann’s New Novel”], *Internatsional’naya literatura* [International Literature], 6, pp. 158–170.

Virolainen, M. N. (2003) *Rech’ i molchanie. Syuzhety i mify russkoi slovesnosti* [Speech and Silence. Plots and Myths of Russian Literature]. St. Petersburg: Amfora.

Yudakhin, A. A. (2025) “Papa Grigorii VII v fokuse vnimaniya Dostoevskogo (K voprosu o personifikatsii rimskoi idei)” [“Pope Gregory VII in Dostoevsky’s Focus

(On the Question of the Personification of the Roman Idea)”, *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 7(1), pp. 264–281.

Zherebin, A. I. (2025) “Antifashistskaya ideologema ‘voinstvuyushchii gumanizm’ i ee kontseptualizatsiya v tvorchestve Tomas Manna” [“The Anti-Fascist Ideologeme ‘Militant Humanism’ and Its Conceptualization in Thomas Mann’s Works”], *Chelovek: obraz i sushchnost’. Gumanitarnye aspekty* [Human: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 3, pp. 201–223.

Информация об авторе: Алексей Иосифович Жеребин — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ им. А. И. Герцена). Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (РХГА им. Ф. М. Достоевского). Адрес: Российская Федерация, 191022, Санкт-Петербург, Набережная реки Фонтанки, д. 15.

Information about the author: Aleksei I. Zherebin — DSc in Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia. Address: 48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky. Address: 15 Fontanka River Embankment, St. Petersburg, 191022, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.06.2026;
одобрена после рецензирования 01.09.2026;
принята к публикации 10.09.2026.

The article was submitted 29.06.2026;
approved after reviewing 01.09.2026;
accepted for publication 10.09.2026.